

Глава 1

ДЕБЮТ ТЕТУШКИ ИНТУИЦИИ

— У меня две мечты. Первая, чтобы волк наконец догнал зайца. И вторая, чтобы дочка мачехи стала женой принца.

— Тогда твои мечты уже сбылись. Это жизнь, племянник!

Эдя Хаврон

— **Д**епресняк! — позвала Даф.
Ноль внимания, фунт презрения.
— Эй, гара-а-аж! Ау! Депресня-а-а-ак!

Опять ничего.

— Серные пробки в ушах, да? Небось слово «лопатель» ты сразу слышишь!

Кот, сидевший на плече у Дафны, лениво повернул голову. В прищуренных глазах плескало багровое пламя. К морде пристало воронье перо. Адский котик своеобразно решал вопросы с продовольст-

Дмитрий Емец

вием. Хозяйка пера не успела даже каркнуть, встретившись со своей судьбой.

— О, услышал! Ты не знаком, случайно, с каким-нибудь крылатым котом, которого можно на скорую руку сдать в зоомагазин и получить за это деньги? Я ужасно хочу что-нибудь съесть. А? Что скажешь?

Кот снова воздержался от ответа. Вместо этого он зевнул, показав зубки, которые довели бы до инсульта любого стоматолога.

— М-да, видок у тебя нетоварный! Лысый, красноглазый, кровожадный: зверушка на любителя! Массового спроса не ожидается! — уныло признала Дафна и большим пальцем почесала коту подбородок.

Депресняк замурлыкал. Его мурлыканье напоминало звук, издаваемый ржавым железом, которое пилят очень тупой пилой. Когда же, не ограничившись мурлыканьем, Депресняк еще и мяукнул, несколько мнительных автолюбителей немедленно высунули носы из окон офисов, проверяя, не пора ли праздновать день жестянщика.

— Ну да, да: ты совершенно прав. Я, страж Света, предлагаю тебе явное мошенничество. Жуть, до чего я дошла! — продолжала рассуждать Даф. — Только не делай, пожалуйста, вид, что ты возмущен. Или я намекну Эде, куда делась мясная вырезка. Он-то считает, что забыл ее в метро. Ну, что скажешь? Думаешь, я шантажистка?

Кот равнодушно шевельнул хвостом. Про вырезку он уже не помнил. Мало ли какие момен-

ты случаются на тернистом жизненном пути. Кто прошлое ворошит, вокруг того зеленые мухи летают.

Упомянутая беседа с котом велась на розовой, залитой солнцем Петровке, рядом с антикварным магазином. В его витрине, среди деревянных слов родом из Индии и турецких кинжалов родом из Китая, Дафна увидела и девчонку лет тринадцати-четырнадцати на вид, в короткой кожаной куртке, с рюкзачком, из которого торчала флейта. С ее плеча, точно облезлая горжетка, свисал кот в комбинезоне.

Дафна приподнялась на носки и опустила, сверяя впечатление. Ловить собственное отражение в телефонных будках, тонированных стеклах машин, витринах, лужах и даже в очках прохожих было одной из ее уличных забав. Депресняк тем временем случайно втянул носом тополиный пух и недовольно чихнул.

— Животное! — снова сказала Даф. — Ты позируешь меня сонным и тощим видом! Прохожие, уверена, думают, что я тебя пытаю. Скажи что-нибудь умное, Депресняк!

Кот издал скрипучий горловой звук, который можно было расшифровать как «ну мяу!».

— И вообще, Депресняк! Есть вещи, которые меня смущают! За последний месяц я подросла сантиметра на два, не меньше. Брюки определенно стали короче. В Эдеме для этого потребовалась бы тысяча лет. И это в лучшем случае, — пробормотала Даф озабоченно.

Дмитрий Емец

То, что она выросла, приходило ей в голову не однажды, но лишь теперь, разглядев отражение в витрине, Даф утвердилась в этой мысли окончательно.

— Хю-хю-хю, нюня моя! Здесь не Эдем!

Внезапно рядом кто-то ехидно хихикнул. Даф повернулась, но никого не обнаружила. Лопухониды хилой струйкой текли по тротуару на приличном отдалении. Солнце прилипло к раскаленному небу, как блин к сковородке. Единственная тучка, довольно бэушная на вид, запуталась в троллейбусных проводах и рекламных перетяжках. Заподозрить в хихиканье было совершенно некого.

Версия, что звук могла издать витрина, выглядела неубедительно, и поэтому Даф, как здравомыслящий страж Света, немедленно предприняла несколько вещей. Первое: на всякий случай проверила, легко ли извлекается из рюкзака флейта. Второе: быстро начертила указательным пальцем в воздухе руну, известную как «руна доброжелательности». В случае, если потусторонние существа рядом отсутствовали или были не опасны, руна таяла, едва возникнув. Однако сейчас руна повисла в воздухе дымным кольцом. Даф успокоилась. Будь угроза серьезной, руна стала бы пунцовой. Синеватое же дымное кольцо скорее означало, что кому-то, кого сложно назвать другом, что-то от нее нужно.

И наконец, последнее, что сделала Дафна, — покосилась на Депресняка. Кот намного острее чувствовал опасность. Здесь так и тянет пойти на поводу

у дряхленького жанра и написать, что шерсть у кота встала дыбом. Но, увы, всей растительности на адском котике не хватило бы даже на самую скромную кисточку. И то пришлось бы отрезать ему усы. Зато в минуты, когда Депресняк что-то чуял, сухая кожа на загривке собиралась гармошкой, как голенище старого сапога, крылья на спине, обычно прижатые, дыбились под комбинезоном горбом, а на переносице залегала короткая косая морщина. Вот и теперь кошачья морда съежилась. Уши, порванные во множестве боев, прижались к голове. Поднявшаяся губа открыла мелкие зубы. Несколько капель кислотной слюны сорвались с него языка и чуть не прожгли асфальт под ногами у Даф.

Это доказывало, что рядом находится существо иного, магического, мира. Больше не колеблясь, Даф настроилась на истинное зрение и, оглядевшись, увидела странное создание. Оно стояло к ней вполоборота, привалившись спиной к витрине, и улыбалось. Улыбка была противная. Она словно истекала сиропом и, ударяясь о бильярдные шары ассоциаций, почему-то заставляла вспомнить жженный сахар.

— Кто-то тут — не будем переходить на личности — рассуждал, что подрост! А ты как хотела, крошка? Нижний мир есть нижний мир. Жизнь здесь летит стремительно, как самоубийца с балкона, — заявил незнакомец.

В первый момент Даф решила, что перед ней мужчина — с темными волосами, квадратным под-

Дмитрий Емец

бородком и трехдневной щетиной на смуглом лице. Эдакий красавчик, съедающий по женскому сердцу на завтрак, обед и ужин. Но когда существо повернулось, Дафна обнаружила, что вторая половина лица у него женская. Пухлые кукольные губы, длинные пшеничные волосы и огромный наивный голубой глаз.

По центру лица, где половины смыкались, пробежала россыпь мелких шрамов. Ощущение было такое, что некогда лицо сострочили, используя обычную швейную машинку. Приглядевшись, Дафн различила шрамы и на шее. Пересекая ключицы, они исчезали под рубашкой. Значит, не только лицо, но и тело субъекта изготовили таким же способом. Одна рука — короткопалая, с желтоватыми ногтями и волосатым запястьем — могла принадлежать боксеру или мафиозо, другая — тонкая и изящная, украшенная золотым браслетом-цепочкой — красавице полусвета. В петлице двухцветного пиджака пылал огромный алый мак.

— Суккуб, что ли? — со знанием дела спросила Дафн. У нее отлегло от сердца. Тянуться к флейте не имело смысла. С суккубом она и так справится.

Незнакомец охотно закивал. Его голова на шее двигалась так свободно и расхлябанно, что Дафна не удивилась бы, скатись та на асфальт.

— К твоим услугам, нюня моя! Хныкус Визглярий Истерикус Третий собственным — хю-хю! — персонажем. Но ты можешь называть меня просто: мой дружок Хнык! Двое влюбленных тараканов встречались четыре дня и померли в один

день от дихлофоса!.. А, нюня моя? Ну, как я сказал? Как сказал-то! — восхитился суккуб и от полноты чувств трижды провернулся вокруг своей оси.

Замелькали разномастные уши — одно приплюснутое, с торчащим из раковины жестким пучком самых что ни на есть водопроводческих волос, и другое — розовое и чистое, самой природой созданное для нашептывания всевозможной любовной ерунды.

Пока суккуб разглагольствовал, голос его, подстраиваясь, менял интонации — от сурового баса до вкрадчивого лепета. Дафну это ужасно раздражало. Равно как и быстрые хаотичные движения этого субъекта.

— Слушай, ты можешь все время не меняться? Ты уж определись: мальчик ты или девочка! — сказала Даф.

Суккуб укоризненно царапнул воздух наманикюренным мизинцем. Жест вышел таким витиеватым, туманным и красивым, что Даф невольно захотелось повторить его.

— Все в воле госпожи! Лично для меня это не вопрос! — манерно сказал Хныкус Визглярий Истерикус Третий. — Если госпоже требуется, извиняюсь, песик, я готов стать песиком! Прикажете приступить? Ав-ав!

Суккуб опустил на четвереньки и сделал ногой залихватское, полное вызова движение, к которому прибегает песик, когда, закончив свои дела, отбрасывает лапой назад землю. Лицо его начало подозрительно вытягиваться. Брови сомкнулись

Дмитрий Емец

и поползли вверх уже рыжей шерстью. Еще мгновение — и перед Даф на задних лапах обретался завершивший превращение рыжий сеттер.

В воздухе мелькнуло что-то когтистое, хищное, сердитое...

— Мне не нужен песик! У меня уже есть котик! — мрачно сказала Даф, чудом успевая вцепиться в ошейник Депресняка. Ничтоже сумняшеся, тот уже собирался сделать пса кривым на один глаз. Размышлениями у парадного подъезда на тему как быть, кто виноват и откуда вообще взялась собака, адский котик себя не загружал. Философия — удел философов, а мы котики действия. Мяу!

— Мы так не договаривались, нюня моя! Нечего на меня котов науськивать! Я существо несчастное, затравленное! Кого на меня только не натравливали! И борзых, и мастифов! А уж про ранимость и не заикаюсь. Чем меня не ранили: и копьями, и мечами, и, извиняюсь, из нагана! Нет, ну как сказал, как сказал! Хю-хю! — воодушевился суккуб, торопливо избавляясь от собачьего обличья. Шерсть слезала с него клочьями и таяла в воздухе.

Депресняк, вновь успевший угнездиться на плече у Даф, разглядывал суккуба с большим подозрением. «Уж теперь-то я знаю, что ты за фрукт на самом деле! Ты переодетая собака!» — говорил весь его вид.

— Послушай, Хнык, мы с тобой уже виделись или нет? — спросила Даф.

— Разве что во сне, нюня моя! — вкладывая в это какой-то свой смысл, сладко произнес суккуб.

— А в резиденции Мрака, на Дмитровке?

Сложив губы трубочкой, суккуб деликатно плюнул на мизинчики и полным кокетства жестом протер глазки:

— Какая осведомленность, нюня моя! Бедные мы, бедные! Никаких секретов от Света! Нет, я там не бываю, противная!

— Разве тебе не нужно продлевать регистрацию? Ведь духа с непродленной регистрацией затягивает Тартар! — удивилась Даф.

Закончив протирать глазки, суккуб погрузил мизинчики в раковины ушей и принялсяковыряться там с таким рвением, будто разрабатывал не скромные серные залежи, а соломоновы копи.

— Ох, затягивает! Прямо так берет и затягивает! — качая головой, подтвердил суккуб. — Только я, противнюшечка, по другому ведомству. У нас ведомств-то много, особенно по секретным поручениям. Так что, нюнечка, не затянут меня, не бойсь!

Зоркой Даф почудилось, что на лице суккуба мимолетно мелькнула тревога. «Ага! Вот ты и забеспокоился! Сболтнул что-то лишнее?» — подумала она.

Почистив ушки и потоптавшись на месте, неутомимый суккуб придумал новое развлечение. Не смущаясь стекла, он просунул руку сквозь витрину и, взяв кинжал, принялся скоблить заросшую щетиной часть своей шеи. Точь-в-точь младший менеджер отдела продаж, который, пугливо косясь на дверь, в которую барабанят нетерпеливые коллеги, одноразовой бритвой, всухую, бреется в служеб-

